

ТРИЛЛЕР
ОТ ПРЕЗИДЕНТА
США

БИЛЛ
КЛИНТОН
—И—
ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН

ПРЕЗИДЕНТ
ПРОПАЛ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
П20

James Patterson and Bill Clinton
THE PRESIDENT IS MISSING

Copyright © 2018 by James Patterson and William Jefferson Clinton
This translation published by arrangement with The Knopf Doubleday
Group, a division of Penguin Random House LLC and Little, Brown and
Company, a division of Hachette Book Group, Inc.

Школа перевода
В. Баканова

Дизайн переплета *Андрея Саукова*

Паттерсон, Джеймс.

П20 Президент пропал / Джеймс Паттерсон, Билл Клинтон ;
[пер. с англ. Н. Абдуллина, М. Молчанова]. — Москва : Экс-
мо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-098450-3

Грандиозно и до невозможности увлекательно.
New York Times

Высококласное произведение.
The New Yorker

Этот роман полюбят миллионы читателей.
USA Today

Берedit душу.
The Wall Street Journal

Президент исчез.
Мир в шоке.

И причина исчезновения гораздо серьезнее, чем все думают.

Триллер, полный подробностей, которые может знать только настоящий
президент, — с интригой, которая по силам только воображению Джеймса
Паттерсона.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098450-3

© Абдуллин Н., Молчанов М.,
перевод на русский язык, 2018

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Особая благодарность Роберту Барнетту — нашему юристу и другу, который свел нас для работы над этой книгой, помогал советом, умастил нас, а время от времени щелкал кнутом.

Спасибо также Дэвиду Эллису — неизменно терпеливому и мудрому, постоянно помогавшему нам в исследованиях, с первым и вторым планами книги и бесчисленными черновиками. Без помощи и вдохновения Дэвида эта книга не получилась бы такой, какая она есть.

Хиллари Клинтон, которая жила и боролась с этой угрозой и последствиями тайных предупреждений, — за ее постоянную поддержку и напоминания быть собой.

Сью Соли Паттерсон, освоившей искусство критики и поддержки, порой одновременных.

Мэри Джордан, которая сохраняет присутствие духа в те моменты, когда все кругом теряют голову.

Денин Хоуэл и Майклу О'Коннору, которые всех нас держат в узде, чтобы мы не отвлекались и не опаздывали.

Тине Флорной и Стиву Райнхарту — за то, что помогали моему неопытному напарнику исполнять свою часть сделки.

А также сотрудникам и сотрудницам Секретной службы Соединенных Штатов и прочих органов защиты права и порядка, военным, разведчикам и дипломатам, посвятившим жизни нашему спокойствию и безопасности.

Четверг, 10 мая

Глава 1

— Специальный комитет палаты представителей начнет заседание...

Почуяв кровь, в воде кружат акулы. Их тринадцать: восемь из оппозиционной партии и пятеро — из моей. Я с адвокатами и советниками готовился защищаться от хищников, но на горьком опыте убедился: против них мало что помогает. Рано или поздно наступит момент, когда останется лишь вскочить на ноги и отбиваться.

«Не делайте этого, — умоляла меня вчера, как и много раз до того, Кэролайн Брок, глава моей администрации. — Сэр, вам нельзя идти на слушание. Ничего не добьетесь, только всё потеряете. Вы не ответите на их вопросы, сэр. Как президента вас уничтожат».

Внимательно изучаю лица тринадцати человек, сидящих передо мной за длинным столом, — этакая современная испанская инквизиция. Тот, что в середине, седовласый, откашливается. Табличка перед ним гласит: «Мистер Роудс».

Лестер Роудс, спикер палаты представителей, обычно не участвует в слушаниях комитета, но сейчас сделал исключение — набрал сторонников, которые, похоже, спят и видят, как бы сорвать мою программу и уничтожить меня. Кровавая борьба за власть — древнее самой Библии, а кое-кто из собравшихся питает ко мне искрен-

нюю ненависть. Моей отставки им будет мало. Они успокоятся, лишь засадив меня за решетку, утопив и четвертовав, стерев мое имя из истории. Черт возьми, да будь их воля, они и мой дом в Северной Каролине спалили бы и на могилу моей жены наплевали.

Вытягиваю гибкую ножку микрофона на всю длину. Неохота подаваться вперед, общаясь с членами комитета — они-то сидят в кожаных креслах с высокими спинками, прямо что твои короли и королевы. Наклониться сейчас — это как признать их власть надо мной, отдать себя на их милость.

Я один. Ни помощников, ни юристов, ни заметок. Американский народ не увидит, как я перешептываюсь с адвокатом, накрывая микрофон ладонью, а потом обращаюсь и заявляю в ответ конгрессмену, что, мол, не могу вспомнить ничего конкретного. Я не отступаю. Меня здесь быть не должно, и, уж конечно, быть здесь мне не хочется, но я пришел. Без поддержки. Президент Соединенных Штатов один на один с кликой обвинителей.

В углу зала сидит тройка моих главных помощников, наблюдает за происходящим. Кэролайн Брок, глава администрации; Дэнни Эйкерс, мой самый старый друг и юрисконсульт Белого дома; Дженни Брикман, заместитель главы моей администрации и старший советник по вопросам политики. Вид у всех троих стоический: лица каменные, взгляды тревожные. Они меня отговаривали. Как один твердили, что, идя на заседание, я совершаю крупнейшую в своей карьере ошибку.

И все же я здесь. Время пришло. Посмотрим, правы ли они были.

— Господин президент.

— Господин спикер. — Вообще-то сейчас я, наверное, должен был сказать «господин председатель», но для этого человека у меня еще много эпитетов, вслух которые произносить не стану.

Начать спикер может с чего угодно. Например, с замаскированной под вопрос пафосной и самоуверенной речи. С легких вводных вопросов с подвохом. Однако еще до того, как стать спикером палаты представителей, Лестер Роудс был конгрессменом средней руки в комитете по надзору, и его допросы сохранились на видео. Я этих записей посмотрел: у него тяга начинать в лоб, брать с места в карьер и ошеломлять. Он знает — черт побери, да после Майкла Дукакиса¹, который в 1988-м опростоволосился на первом же вопросе в дебатах о смертной казни, все знают, — что провальное вступление задаст тон всему слушанию.

Атакует ли спикер действующего президента по тому же плану?

Разумеется.

— Президент Данкан, — начинает он, — с каких пор мы защищаем террористов?

— Мы их не защищаем, — отвечаю быстро, едва позволив ему договорить. Такие вопросы не должны висеть в воздухе. — И никогда не станем. Пока я у власти — точно.

— Вы уверены?

Я не ослышался? К лицу приливает жар. Минуты не прошло, а спикер уже меня разозлил.

— Господин спикер, — говорю, — я совершенно уверен. Предлагаю сразу все прояснить: террористов мы не защищаем.

Он выжидает немного.

— Что ж, господин президент, тогда давайте разберемся. Вы считаете организацию «Сыны джихада» террористической?

— Еще бы. — Советники предупреждали не говорить так: употребленное не к месту, это словосочетание звучит напыщенно и покровительственно.

¹ Майкл Дукакис (р. 1933) — кандидат на президентских выборах в США 1988 г.

— А еще она пользуется поддержкой России, так?¹

Киваю.

— Время от времени Россия помогает «Сынам джихада». Мы осуждаем ее связи с СД и прочими террористическими организациями.

— «Сыны джихада» совершили террористические акты на трех различных континентах, верно?

— Да, совершенно верно.

— Они ответственны за гибель тысяч людей?

— Да.

— В том числе американцев?

— Да.

— Взрыв в брюссельском отеле «Белвуд армс», в результате которого погибли пятьдесят семь человек, включая делегацию членов законодательного собрания штата Калифорния? Взлом системы управления воздушным движением в Грузии, приведший к крушению трех самолетов, на борту одного из которых летел посол Грузии в Соединенных Штатах?

— Да, — говорю. — Оба этих теракта имели место до того, как я стал президентом, но да, «Сыны джихада» взяли на себя ответственность за них...

— Хорошо, поговорим о том, что происходило в течение вашего срока. Правда ли, что всего несколько месяцев назад «Сыны джихада» взломали базу данных израильских вооруженных сил и обнародовали информацию о тайных операциях и передвижении войск?

— Да, — отвечаю. — Правда.

— Ну и о том, что совсем близко, в Северной Америке, — продолжает спикер. — Буквально на прошлой неделе. В пятницу, четвертого мая. Совершили ли «Сыны джихада» очередной теракт, взломав и отключив систему

¹ Здесь и далее: редакция оставляет на совести авторов изображение общеполитической картины мира в целом и роли в ней России в частности, а также живописание российских «реалий».

управления метро в Торонто, в результате чего состав сошел с путей? Погибли семнадцать человек, несколько десятков были ранены, и еще тысячи просидели в темноте несколько часов?

Он прав, «Сыны джихада» в ответе и за это. Насчет числа жертв он тоже не ошибается; вот только для «Сынов джихада» это не был теракт.

Так, разминка.

— Четверо из погибших в метро были американцами, я прав?

— Правы, — отвечаю. — «Сыны джихада» не брали на себя ответственность, но мы уверены, что за аварией стоят они.

Спикер кивает, просматривает заметки.

— Теперь о лидере «Сынов джихада», господин президент. Его зовут Сулиман Чиндорук, я прав?

Приехали.

— Да, Сулиман Чиндорук — лидер «Сынов джихада», — говорю я.

— А еще он — опаснейший и самый успешный кибертеррорист в мире, верно?

— Можно сказать и так.

— Он ведь мусульманин, родом из Турции?

— Турок, но не мусульманин, — поправляю. — Просто крайний националист, противостоящий влиянию Запада в Центральной и Юго-Восточной Европе. «Джихад», знаменем которого он размахивает, ничего общего с религией не имеет.

— Если верить вам.

— Если верить любому донесению разведки, что ложилось ко мне на стол. Хотите украсить слушание исламофобским выпадом — вперед, но в нашей стране от этого безопасней не станет.

Спикер выдавливает кривую улыбку.

— Как бы то ни было, он — самый опасный и разыскиваемый террорист в мире, так?

— Мы его разыскиваем, — говорю. — Мы разыскиваем всех террористов, пытающихся нанести ущерб нашей стране.

Спикер делает паузу. Обдумывает, не спросить ли снова: вы, мол, уверены? Если спросит, мне потребуется вся сила воли, чтобы не отшвырнуть в сторону стол и не схватить спикера за глотку.

— Давайте все проясним, — говорит он. — Соединенные Штаты хотят поймать Сулимана Чиндорука?

— Здесь прояснять нечего. Сомнений не было и быть не может. Никаких. Мы вот уже десять лет ловим Сулимана Чиндорука и не остановимся, пока не схватим. Так для вас достаточно ясно?

— При всем уважении, господин президент...

— Как же! — перебиваю. — Если говорят «при всем уважении», значит, об уважении речи не идет. Думайте что хотите, господин спикер, но уважение извольте проявлять — если уж не ко мне, то ко всем тем, кто не жалеет жизни ради борьбы с терроризмом и защиты страны. Мы не совершенны и никогда не будем идеальными, однако стараться не перестанем. — Делаю небрежный жест рукой. — Давайте, спрашивайте.

Сердце бешено колотится. Сделав вдох, смотрю на троицу помощников. Дженни, мой советник по вопросам политики, кивает; давно советовала быть жестче с новым спикером палаты представителей. По лицу Дэнни ничего сказать невозможно. Кэролайн подалась вперед; уперев локти в колени, сцепила пальцы в замок и подперла ими подбородок. Будь мои помощники олимпийскими судьями, Дженни дала бы за мою выходку девять баллов из десяти, а вот Кэролайн — не больше пяти.

— Я не позволю сомневаться в своем патриотизме, господин президент, — заявляет мой седовласый против-

ник. — Народ Америки серьезно обеспокоен событиями в Алжире, а ведь мы еще до них не дошли. Народ Америки имеет полное право знать, на чьей вы стороне.

— На чьей я стороне? — Резко, чуть не сбив микрофон, подаюсь вперед. — Я на стороне народа Америки.

— Господин пре...

— Я на стороне тех, кто круглыми сутками трудится, чтобы защитить нашу страну. На стороне тех, кого не волнует, в какую сторону дуют политические ветра. На стороне тех, кто работает не за похвалу и беззащитен перед критикой. Вот на чьей я стороне.

— Президент Данкан, я всей душой болею за мужчин и женщин, которые, не зная отдыха, защищают нацию, — заверяет спикер. — Но речь не о них. Мы говорим о вас, сэр. Мы тут не в игры играем, и мне это не доставляет удовольствия.

При других обстоятельствах я бы рассмеялся. Лестер Роудс ждал этого слушания больше, чем студент колледжа ждет своего двадцать первого дня рождения. Он лично организовал этот политический цирк с единственным возможным исходом: мой промах докажут и передадут дело в Юридический комитет, чтобы начать процедуру импичмента. У восьми конгрессменов, принявших сторону спикера, на выборных участках все схвачено и подтасовано, так что посреди слушания они могут спустить штаны и начать сосать большой палец — и через два года их не то что переизберут, у них конкуренции-то не будет.

Помощники были правы: не важно, какие против меня доказательства — веские, хлипкие или вовсе несущественные, — жребий брошен.

— Спрашивайте, — говорю. — Хватит фарса.

В углу Дэнни Эйкерс вздрагивает и шепчет что-то на ухо Кэралайн: та кивает с по-прежнему бесстрастным лицом. Дэнни не нравится мой выпад, определение, которое я дал этому слушанию, — «фарс». Он не единожды гово-

рил: мой поступок в глазах Конгресса выглядит «плохо, очень плохо» и дает повод для расследования.

Он не то чтобы ошибается. Просто не знает всей истории. У него нет допуска к секретной информации, известной мне и Кэрролайн. А будь у него больше полномочий, смотрел бы на вопрос иначе. Ему открылось бы, с какой угрозой столкнулась страна.

Именно небывалая угроза и вынудила меня пойти на то, чего я сам от себя не ожидал.

— Господин президент, вы связывались с Сулиманом Чиндоруком по телефону в воскресенье двадцать девятого апреля? На позапрошлой неделе? Вы разговаривали с самым разыскиваемым террористом или нет?

— Господин спикер, как я уже многократно заявлял прежде и как вам должно быть известно, не все, что мы делаем ради страны, можно предавать огласке. Американский народ понимает: оборона страны и международные отношения — это сложные механизмы с огромным количеством подвижных частей, и некоторые из наших действий должны храниться в тайне. В том и смысл прерогативы президента.

Роудс наверняка захочет оспорить уместность прерогативы президента применительно к секретным материалам. Но Дэнни Эйкерс, юрисконсульт Белого дома, говорит, что этот раунд останется за мной, ведь речь идет о моих конституционных полномочиях в области внешней политики.

Как бы там ни было, внутри у меня все сжимается. Впрочем, Дэнни предупредил: если не пользоваться прерогативой, то можно сразу от нее отказаться. И придется отвечать на вопрос, созванивался ли я на позапрошлой неделе с Сулиманом Чиндоруком, самым разыскиваемым террористом.

— Знаете, господин президент, вряд ли американский народ примет такой ответ.

«Знаете, господин спикер, я не уверен, что американский народ примет такого спикера. На должность вас выбрал не американский народ. Вы получили каких-то там восемьдесят тысяч голосов на третьем избирательном участке в Индиане. Я же — шестьдесят четыре миллиона. Партийные приятели сделали вас своим лидером, потому что вы подняли для них чертову уйму денег и пообещали мою голову на блюде...»

С экранов телевизоров такая речь, наверное, прозвучит не очень.

— То есть вы не отрицаете, что двадцать девятого апреля созванивались с Сулиманом Чиндоруком, я прав?

— Я уже ответил на вопрос.

— Нет, господин президент, не ответили. Вам известно, что французская газета «Монд» опубликовала записи телефонных разговоров вместе с заявлениями анонимного источника о том, что в воскресенье двадцать девятого апреля этого года вы созванивались с Сулиманом Чиндоруком?

— Я читал ту статью.

— Вы отрицаете написанное в ней?

— Мой ответ остается неизменным. Не пытайтесь раскрутить меня этими своими «звонили — не звонили». Я не подтверждаю, не отрицаю и не обсуждаю то, что делаю ради страны. Особенно если в интересах национальной безопасности мои поступки требуется хранить в секрете.

— Если о них написано в одной из крупнейших европейских газет, то, выходит, это не такая уж и тайна.

— Мой ответ прежний, — говорю. Господи, как дурак...

— «Монд» сообщает, — спикер демонстрирует присутствующим выпуск газеты, — что «президент США Джонатан Данкан связался по телефону и имел разговор с Сулиманом Чиндоруком, лидером “Сынов джихада” и одним из самых разыскиваемых террористов, дабы найти общие